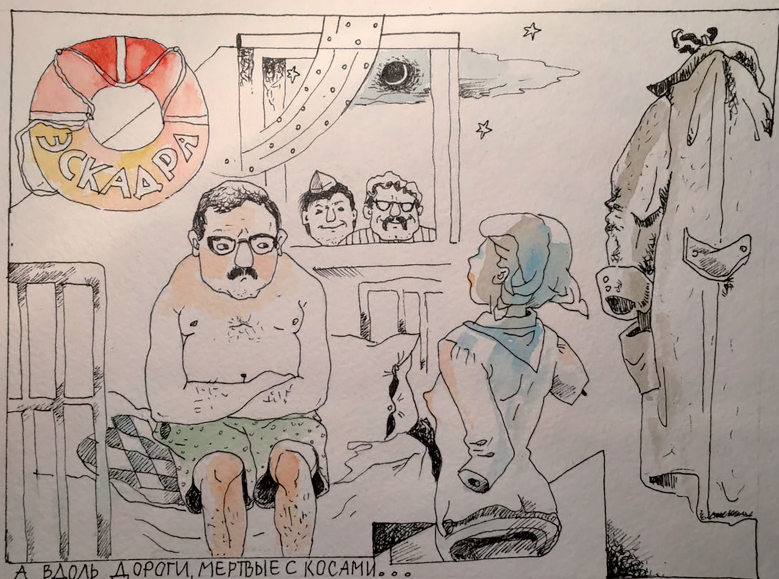

А ВДОЛЬ ДОРОГИ, МЕРТВЫЕ С КОСАМИ...

А ВДОЛЬ ДОРОГИ, МЕРТВЫЕ С КОСАМИ СТОЯТ!

Кто не знает образцы высокого искусства соцреализма – Девушку с веслом? Мало кто помнит, что скульптор Иван Шадр выбрал прообразом скульптуры известную в 30-е годы прошлого века спортсменку Веру Волошину, которая, кстати, воевала в 1941 г. в лесах, окружающих пионерский лагерь «Звездочка», в одном отряде с Зоей Космодемьянской. В деревне Крюково, традиционном месте походов наших пионеров, ей поставлен памятник и открыт музей. В 1994 году Вере Волошиной присвоено звание Героя Российской Федерации. Память и признательность героям в наших сердцах будет вечна, но мой рассказ не о героизме молодого бойца специального диверсионного отряда, и даже не о 12 метровой скульптуре для Центрального парка культуры и отдыха им. М.Горького в Москве.

Скульптура Девушки с веслом явилась родоначальником «гипсового соцреализма», образчики которого украшали аллейки и фасады советских санаториев и профилакториев. Кто ж не помнит эти каменные изваяния в пионерских лагерях? Да взять, например, тот же известный фильм «Посторонним вход воспрещен»! Прекрасно оформленная аллея со скульптурами мальчиков с горном и девочек с голубями. В нашем лагере для разнообразия была еще скульптура сидящего с книгой Александра Сергеевича, что стояла напротив пионерской комнаты у столовой, и монументальная скульптура Покорителям космоса – каменный колосс в

пиджаке, надетом на комбинезон, опирающийся ногой на нашу матушку Землю, а в руках над собой держащий спутник и вселенную. Такая вот незамысловатая, но емкая композиция.

Эта скульптура была центром лагеря. К ней, как в Рим, сходились все дороги. Центральная аллея от ворот в лагерь шла мимо октябрятских корпусов и линейки, что располагались справа, и мимо изолятора и столовой, что были с левой стороны. Большие стенды, рассказывающие об орденах комсомола (была такая молодежная коммунистическая организация), возвышающиеся над низкорослым жестким кустарником, не то прятали октябрятские корпуса, не то защищали от сторонних глаз. Но первой перед стендами на белом постаменте стояла гипсовая ваза, которая со временем куда-то подевалась, но постамент простоял еще долго.

А вот с другой стороны, как раз перед входом в столовую, стояли те самые мальчик с горном и девочка с голубем. Незамысловатые белые изваяния, одетые по моде времен «Тимура и его команды», излучали бесконечный оптимизм и веру в родную коммунистическую партию и светлое будущее всех людей на земле. Возвышаясь на своих белых квадратных постаментах, эти изваяния как бы говорили: «Ты не голубь - услышал горн, беги обедать! Два раза трубить не будут!»

Вездесущая малышня вечно ползала по этим скульптурам, норовя залезть на плечи, но, не найдя ни чего привлекательного в сидении на холодном камне, ограничивалась тем, что засовывала шишки с ближайшей ели в самые разные места, о чем автор даже и не помышлял. Тем не менее, ежедневно процедура повторялась, что роднило белые изваяния со спортивными тренажерами для малышей. А финал соревнований напоминал игру «Найдите пять отличий от вчерашней версии расположения шишек».

Первый отряд, убиравший территорию у столовой, регулярно освобождал ваяния от октябрятских шалостей, обмахивая скульптуры вениками из березовых ветвей. Однако не проходило и часа, как шишки возвращались на место, а разухабистая малышня стайкой бежала через футбольное поле куда-нибудь в сторону бассейна за новыми шалостями.

Футбольное поле в п/л «Звездочка» было скорее центральной площадью, на которой проходили парады, массовые выступления по случаю очередной годовщины лагеря. Здесь же запускали кордовые модели самолетов, которые жужжа и наполняя воздух парами эфира и керосина, гоняли по кругу, с развевающимися ленточками для воздушного боя. Или, взревев всеми силами калильного двигателя, полосатый монстр по прозвищу «Машка-пилотажка» уходил по дуге в горизонт, демонстрируя фигуры высшего пилотажа – горку, петлю, обратный полет.

Самыми отвязными были запуски катапульты – маленьких самолетиков с фанерными крыльями, которые запускались с помощью резинового жгута, по примеру рогатки. Два пионера держали концы жгута в вытянутой руке над головой, а третий, зацепив летающего монстра крючком, оттягивал жгут до предела, приседая к земле. Выпущенный самолетик взмывал в небо по красивой дуге, делал петлю, и, вскарабкавшись на горку, плавно глиссировал, покачивая плоскостями над головами восторженных пионеров.

На футбольном поле проводилась утренняя зарядка и все спортивные соревнования от метания мяча и гранаты до футбольных матчей.

На все это взирал с высоты своего монумента, поставивший на Землю ногу в рабочем башмаке, атлант со спутником над головой. Он возвышался над футбольным полем, над лагерем, над бассейном «Бучилло», вы-

сокий, гордый и непоколебимый, словно говоря всем своим видом: «Дерзайте! И будете такими же красивыми и в белом!»

Но как-то в очередное лето, высадившись из автобусов и рассыпавшись по корпусам, молодой народ вышел на футбольное поле разбирать чемоданы и увидел, что центральная скульптура лагеря стоит с одной рукой, а Вселенная со спутником лежит у подножья постамента. И тогда родилось сказание об Одноруком!

Якобы, проведав про пи/эль «Звездочка», некоторые личности на планете Альфа Центавра решили обустроить его для своих нужд и послали сюда «квадратноголовых» - биороботов, которым была поставлена задача завоевать лагерь и преобразовать в инопланетную базу. В очередном концерте вожатых это звучало примерно так: «... там, где солнце всходило, мы построим курорт вместо старых хибар у бассейна «Бучилло», у бассейна «Бучилло».

По лагерю пополз слух, что руку нашему «Покорителю космоса» не то снес инопланетный корабль при посадке, не то «квадратноголовые» развлекались, стреляя из бластеров.

Одним словом, мифы рождались один одного круче, как говорит современная молодежь.

Сразу после этого незаметно пропали скульптуры мальчика с горном и девочки с голубем, что навяло грубокое уныние на неугомонных октябрат.

Как-то, на прогулке по лесу, кто-то из малышей полез через кусты к речке Капанька и неожиданно столкнулся нос к носу с мальчиком с горном. Белое изваяние валялось у берега в колючих зарослях. Неподалеку, уткнувшись лицом в прибрежный песок лесной речушки, лежала девочка с голубем. Несчастная птица не смогла вырваться из каменных рук девочки и окаменела.

Заглянув в глаза мальчика с горном, октябренок увидел в них нечто такое, отчего стремглав помчался к отряду, прорываясь через лесные кусты и заросли крапивы. Прижавшись к вожатой, он сбивчиво что-то говорил, прижимаясь и ища защиты. Говорят, что ночью он не спал, просидев до утра поджав колени и завернувшись в одеяло с головой. С той поры в лагере стали происходить странные вещи.

А когда на следующий год со своего постамента пропал и Однорукий, в лагере не на шутку заговорили о нечистой силе и привидениях на центральной аллее в полнолуние. Будто бы сторож, проходя ночью, видел марширующую в сторону леса колонну из белых изваяний, во главе с Одноруким, горланящих песню: «Э-ге-ге-гей, Сюзанна!» Сторож, завидя это, остолбенел, и не пришел в себя, пока его не укусила мечущаяся в кошмаре на поводке мелкая собачка. Одним словом, мертвые с горнами стоят, и – тишина!

- Слыш, Вовка! – сказал приятелю Никита, с которым они работали в одном корпусе, но на разных отрядах, - там Наталья с Ниной опять очередную хохму задумали, надо бы помочь!

- Наталья, это светленькая, которая библиотекарь? – заполняя вожатский журнал, бросил Володя, не поднимая головы. Он не очень любил бумажную работу, а, точнее, очень не любил. Вот бег с препятствиями – это его! Сколько лет отдал он спорту, сколько сборов, соревнований, травм и побед было, и вот тебе, будьте любезны, заполнять отрядный журнал вожатого.

- Отчего ж не помочь, поможем! А что надо сделать-то? – мусоля чернильный карандаш, закончил он фразу.

- Да не знаю я! Просто после обеда к кружку выжигания надо подойти, там объяснят! – и Никита, секре-

тарь комитета комсомола крупного института, командированный в пионерский лагерь в качестве вожатого, покрутил ручку транзисторного приемника «Грюндик» - предмета гордости товарища по комнате. Эфир был забит помехами, но откуда-то издалека пробивалась всей своей рыжей шевелюрой Алла Пугачева: «Приезжай, хоть на денек!»

Никита был в лагере впервые, поэтому присматривался к Володе, уже считавшимся опытным вожатым. Пряча в усы хитрый взгляд, он искоса следил за товарищем, продолжая рыскать по эфиру, в надежде отыскать что-нибудь модное.

Лето, солнце, бассейн, сосны, пионервожатые красивые – живи, да радуйся! И как ему подфартило свалить из пыльного института в это райское местечко! Пионеры не в счет, они в этом театре проходят как массовка. Однако, Никита строил карьеру, поэтому держал себя строго, блюдя нормы морали и проявляя в отношении пионеров выдержку и корректность. Худой, но не спортивный, лысоватый, но без плечи, Никита не выделялся особыми талантами, поэтому на работе в Москве пошел в комсомольские лидеры. Вместе с тем это был умный, обаятельный и нескучный человек.

Проводив после обеда своих пионеров от столовой до корпуса, молодые люди направились в сторону Дворца технического Творчества. Девочкам – вожатым были даны строгие наставления держать отряд в строгости, пока Володя с Никитой будут заняты делами. А им самим было ужасно интересно замутить что-нибудь прикольное вдали от пионеров, или хотя бы принять в этом участие.

Кружковод Нина была улыбающейся училкой в очках, приехавшая заодно с подругой немножко поработать, немножко отдохнуть, а заодно выгулять мало-

летнего сынишку на свежем воздухе. Закончив педагогический институт, она всегда была в эпицентре событий, неважно, касалось это работы, авторской песни или шалостей любой степени цинизма. Преподаватель физики, она хорошо умела рисовать, поэтому выжигать на фанерке картинки ей было не в лом, тем более, организовать для этого детишек.

Обладая тонким чувством юмора, Нина решила начать свой творческий путь в кружке выжигания с шедевра. С фанерного листа на зрителя смотрел емкий круп ржущей гарцующей лошади, повернувшей голову с огромными зубами вам навстречу, а под развевающимся хвостом зияло черное яблочко мишени. Надпись под картиной гласила: «Бей ответом прямо в цель!»

- Пришли! – спросила вожатых Нина, слегка щурясь через линзы очков, - Сейчас еще четверо подтянутся, и пойдем!

- Куда пойдем? Зачем пойдем? – начал было гундеть Володя.

- Вовк! Тебя попросили прийти, ты пришел! Сиди, жди. Что надо, тебе скажут! – словно зарвавшегося школьника осадила его Нина.

Тут как раз подошли еще четверо, все поднялись и через хоздвор двинулись в сторону леса.

- И что же с этим добром прикажете делать? – спросил один из вожатых, изумленно глядя, как речная вода протекает между ног белого изваяния Однорукого и других каменных скульптур, медленно засасывая их в песок, запутывая тиной, заматывая прибрежной травой, кустами. Мальчик упирался горном, девочка боялась намочить голубя, и все вместе они не хотели становиться частью берега, откоса, леса.

- Что делать? Берем девочку, отделяем ноги от торса и несем ко мне в кружок! – решительно сказала Нина.

- Так у этой девочки торс тяжелее, чем у баяниста Бонифация живот! – гоготнул кто-то, - Нам его так просто не поднять!

- Правильно мыслишь, юноша! – язвительно встала Нинель, - Наверно я не только на тебя рассчитывала, когда столько мужиков взрослых сюда пригласила. Мальчики, понимаю, что тяжело, но надо! Это подарок Мамонту! – и она скромно потупила глазки, махнув длинными ресницами.

По всей видимости, слова «подарок Мамонту» были ключевыми, поскольку народ подобрался, и, спрыгнув на песчаную отмель у бегущей воды, начал раскачивать и раскорячивать гипсово-бетонное тело девочки.

«Три вожатых и лопата заменяют экскаватор!» - именно под таким девизом, чертыхаясь и отбиваясь от хлещущих по лицу веток, сменяя друг друга, шестеро мужиков тащили каменное изваяние весом больше 150 кг.

Подойдя к воротам лагеря, Нина набросила на изваяние кусок мешковины, чтобы скрыть содержимое, и просящим тоном сказала:

- Ну, мальчики, ну, милые! Еще совсем чуть-чуть! Еще двести метров!

Ответа не последовало. Только надсадный хрип и сопенье упертых мужиков, волочивших на себе каменную бабу, словно на соревновании пауэрлифтеров, раздавался за ее спиной.

Водрузив изваяние на стол в кружке выжигания, мужики молча вышли.

Только подойдя к родному корпусу, оба вожатых присели на скамейке и закурили. До подъема оставалось пять минут, а они бы часика два с удовольствием поспали бы после такой работы. Вот уж, прикольно-лись!

Из соседнего корпуса бодрой походкой вышел вожатый с усами и в очках, тот самый Мамонт. Погля-

дывая на часы, он ждал горна, что бы построив свою «эскадру» на персональной линейке перед корпусом, объявить им о грядущих событиях в жизни отряда.

- Вот, Нина, тебе акварельки! – похожая на мальчи-ка библиотекаря со светлой короткой стрижкой протянула коробку, - А тут вот кисти, Федосини выделил по такому случаю!

Две институтские подружки, прошедшие МГПИ им.Ленина, а теперь преподающие физику даровитым детям в училище при Большом театре внимательно рассмотрели на каменное изваяние, стоящее на столе.

За окном по завалинке кто-то пробирался к окну.

- Кружок сегодня закрыт! Работать не будет! – спохватилась Нинон, набрасывая кусок материи на белую поверхность статуи.

- А когда будет? – слышалось из-за стены, - А через час будет? А почему не будет? – детские голоса множились, словно инфузория туфелька под микроскопом начала свой процесс деления в кабинете биологии.

- Все! Идите отсюда! Сегодня будет кино – Там вдоль дороги мертвые стоят. И тишина! А в кружок завтра приходите! – на все вопросы сразу ответила Нинон, высунув голову в дверной проем кружка, и тут же захлопнув дверь обратно. За стеной у окна что-то посыпалось, разбежалось звонкими голосами в разные стороны и стихло.

- Ну, хорошая работа начинается с хорошего перекура! – сказала кружковод и достала изящную пачку сигарет с ментолом, - Вот из Москвы муж прислал! – и подружки тихонько засмолили тонкие трубочки сигарет, наполняя маленькое пространство кружка приятным мятным вкусом.

- А что, Наталья! Надо бы нам Мамонту Географину Викторическую по-сексуальней сделать, что б при

пеньюаре, при косметике. Что б вся дышала страстью! – оглядывая каменную фигуру девочки с голубем, про-изнесла Нина, - Вот, видишь, косыночка какая сексу-альная на шейке!

- Это ж пионерский галстук, Нина! А, кстати, она у нас что, Венера Милосская? Кто ей руки обломал? - по-пыхивая ароматной сигаретой, спросила библиотекарь.

- Кто бабе руки обломал? Кстати, это тоже из филь-ма с Савелием Крамаровым! – отозвалась Нинон, - Ты, что ж думаешь, мы ее Мамонту прямо с голубем пода-рим? Ребята постарались, лишние элементы удалили загодя! Хорошо, что там стальной проволоки внутри бетона не было – вот бы мужики умукались! А так, не-многожко подкрасим, косметику положим, косыночку модную прикинем! Хоть в постель!

- Нинка, ты – гений! Именно в постель! Именно к Мамонту! – даже подпрыгнула на стуле Наталья, - Вот мы ему ее и подложим!

- Здорово! Тогда за дело – до отбоя недалеко! – спохватилась Нинон, и подружки бросились разводить кра-ски и доставать косметику.

На ужине, тихо перешептываясь, вожатые рас-пределяли обязанности по подготовке ночных поси-делок у графа Толмаччини в кафе «Пеньки». За са-мым дальним 5 корпусом в заборе была проделана дыра, через которую можно было покинуть террито-рию лагеря. А совсем рядом, были установлены пень-ки вокруг оборудованного костровища, т.е. созданы необходимые условия для культурного распевания авторских песен и распивания ароматного чая. Ас-сортимент добавок к чаю допускал весьма широкий диапазон напитков, характеризуемый фразой «что Бог послал»! Вожатые имеют право на личную жизнь и отдых, вот поэтому и было выбрано укромное ме-

стечко, откуда до пионерских окон не доносились бы сторонние звуки.

- Андрюш, Архипов! Ты давай приходи в первую смену – с 00.00 до 01.00, а вожатая твоя пусть во вторую смену приходит. А то нам еще с тобой план «Зарницы» надо обсудить! – активно наседавая на внушительных габаритов «диЭтчика» нашептывали Володя и Никита.

- Да, ладно, приду! Наталья всеравно что-то приболела, она останется на отряде, – как большой медведь, отмахиваясь от пчел, пробубнил вожатый.

- Ну, ты это, Мамонт, давай сегодня не опаздывай! А то, знаем тебя, квакнешь и в тину! А у нас регламент! – по учительски корректно, но настойчиво толкнула его в бок Нинон.

- Андрюша-а-а, хотела с тобой вопрос один проговорить... Так ты придешь на «Пеньки»? – словно вдохнула в уши клубящийся над «Бучиллом» вечерний туман проходящая вожатая.

- Да приду я, приду! Сказал, значит приду! – не на шутку завелся Андрей.

Народ рассосался по отрядам. Столовая опустела. И только пионеры дежурного звена, порхавшие между столами, складывали грязные тарелки на столе из нержавейки для космических аппаратов.

После ужина в клубе показывали «Неуловимых мстителей». Весь лагерь скакал на креслах, болея за Даньку, Ксанку и Валерку. А Цыган с его песней: «Спрячь за высоким забором девчонку, выкраду вместе с забором...» - вообще был круче Филиппа Киркорова, если кто понимает, что я имею в виду! Сидя на ступеньках своей берлоги за экраном, на котором красные конники настигли повозку с молодым казаком, ехавшим к атаману Бурнашу, Андрей со старшим вожатым любовались заходящим за корабельные сосны солнцем.

- Вот, Мамонт, ты скажи, скажи! Вот, на фига тебе эта берлога в клубе? Ну почему тебе в отряде не спится? – полыхал как заходящее солнце старший вожатый.

- Все просто, - невозмутимо возражал тот, - В отряде у меня штаб. Там я провожу заседания штаба. А здесь, в клубе, я директор театра «Ритм» - тут у меня реквизит, сценарии. Здесь же я черпаю вдохновение!

- Чего, чего ты черпаешь? – придвигая свое лицо к самому носу товарища, заглядывая в глаза, спросил старший, - Нет, Мамонт, ты все-таки с Альдебарана! Там все такие, вдохновленные?

- Наверное... - с нотками ослика Иа в голосе подтвердил Андрей.

- Чушь полная! – скорее выругался, чем констатировал старший вожатый, - Ладно, кино закончится, детей уложишь, и подтягивайся к Толмаччини. Чайку попьем! Глянь, все ж без Однорукого как-то сиротливо. Клуба есть. Постамент есть. А Однорукого нет! Как-то срослись мы с ним, что ли? – и он встал и размашистым шагом зашагал к третьему корпусу.

- А вдоль дороги мертвые с косами стоят! И тишина! – несло из-за экрана.

Кто бывал в пионерских лагерях, тот знает, что время после отбоя - самое удивительное в лагере. Каждый преследует свои цели. Вожатые хотят побыстрее уложить своих подопечных и заняться своими делами. Мальчики и девочки хотят, что бы побыстрее утомнились вожатые, потому что начинается время страшных рассказов, время ночных походов в другие палаты, когда просто так, когда с целью похулиганить – завязать или зашить одежду, намазать лицо зубной пастой, приклеить или прибить к деревянному полу кеды или тапочки... Да мало ли чего! В это время старшие отряды парочками (мальчик – девочка) сбегали за территорию,

прогуляться до костровой поляны или по «аллее любви» до щербачковского поля.

Вожатые частенько приносили «пятое питание», дабы их питомцам цыган ночью не приснился. Могли посидеть в палате и поговорить на душевные темы или просто почитать стихи. Детишки могли прикинуться паиньками и мирно сопеть в две носопырки. Все знали, что до ночного обхода надо соблюдать правила паритета – вожатые не подставляют детей, дети не подставляют вожатых. Обычно около полуночи в палату заходил дежурный вожатый в сопровождении начальника лагеря и старшего вожатого, и всех пионеров считали по головам. Но лишь только высокая проверяющая комиссия, стоя у теннисного стола на веранде, заканчивала подводить баланс: «Всего пионеров и октябрят 287 человек, плюс трое в изоляторе, а одного забрали родители в Москву. Итого 291 человек. Все на месте!» - и растворялась в ночном сумраке, наступало время паузы – время, которое надо было выдержать, что бы все успокоилось, все разошлись, а на территории оставался только сторож с собачкой, не торопясь бредущий вдоль заборов, секретных дырок и официальных калиток с воротами.

За свою долгую жизнь, чего только он не видел – и войну, и голод, и стройки, и лагеря... Только вот в пионерских лагерях он насмотрелся не меньше. Вот и сегодня ночь явно не задалась.

Едва только детвора утихомирилась по деревянным корпусам, а начальник с комиссией закончили ночной обход, как в лагере начало твориться черте что.

Поначалу из корпусов, из ДТТ, и из клуба к дальнему 5-му корпусу потянулись вожатые. Сидя на лавочке у футбольного поля сторожу все было видно, а еще лучше слышно. Тут все понятно – пошли гужеваться к

Толмачеву на «Пеньки». Хорошо они там песни поют, душевно. Все про горы, про походы, по палатки, зашитые на скорую руку. Молодежь! Романтики! Все спорят о чем-то – о «Зарнице», об отрядных уголках, а тут еще о какой-то пионерской тематике... Чудно! Ну, понятное дело, и чайку на костерке сварганят, и чего покрепче пропустят – не без этого! Но все чинно, благородно, без озорства!

Но вот, видишь какое дело! Как только Андрей Архипов, которого непонятно за какие заслуги все кличут Мамонтом, вышел из своей лачуги, что за сценой в клубе, так не успел он еще до конца футбольного поля дойти, а со стороны ДТТ какие-то гаврики, пыхтя и надрываясь, потащили что-то, аккурат в его каморку. Да потащили прямо перед сторожем!

Луна то была полная, светло как днем. А покрывало то возьми, да и соскочи! А луна светом-то своим так и блещет. Глянул сторож, и стало ему нехорошо. Очень плохо ему стало, поскольку глянула на него из-под покрывала голая баба нафуфыренная с цветной косынкой на шее и сиськами голыми под просвечивающей блузкой. А взгляд такой до-о-о-лгий, такой глубоко-о-о-кий! Говорящий такой взгляд, зеленый как у русалки! Такая в омут затащит, и не отбрешишься!

И видит сторож, что несут-то они только полбабы!

- А хвост-то ее где? – робко спросил сторож, поглаживая прижавшуюся к ногам собачку, тихо поскуливающую от ужаса.

- Какой хвост, ты о чем? – сопя и задыхаясь, отозвался один из носильщиков.

- Ну, русалки вашей хвост! – не зная как объяснить свои сомнения, сказал сторож, - Здорова видать персона, если вчетвером корячитесь только с полутушей!

- С полутушей! – передразнил старика вожатый, - Ты ж не на мясокомбинате! А не знаешь ты, дед, что это

есть симпатия нашего Мамонта - Географина Виктори-
ческая! Она к нам в-о-о-н с той звезды прилетела! - мах-
нул куда-то в небо вожатый, - А тяжелая такая, потому
что там гравитация сильная! – добавил он, перехваты-
вая ношу, драпированную покрывалом.

- Чего там сильная? - переспросил сторож, стара-
ясь не смотреть в глаза небесной деве.

- Ну, видите ли, любезнейший! – встряла в разговор
Нинон, замыкающая эскорт, - Альфа Центавра – двой-
ная ближайшая к нам звезда. Правда, там еще «крас-
ный карлик», но мы не можем его увидеть глазами. Так
вот она к нам оттуда и прилетела, преодолев расстоя-
ние 4,36 световых лет! Или 113,36 млрд.километров.
Девушка замерзла, ей время нужно, что б оттаять! Вот
Мамонт обрадуется! Он мужик горячий, обогреет!

- А я думал русалка! Уж больно взгляд у нее – У-у-
ух, пронзительный! – сказал приходя в себя сторож, - А
она, видишь ли, со звезды! Замерзла!

Погладив притихшую собачку, сторож неторопли-
во встал, откашлялся и побрел своей дорогой к цен-
тральным воротам.

В это время Нинон и четверо вожатых внесли ста-
тую в каморку Мамонта.

Э-э-э-эх! – Разом выдохнули воздух молодцы, по-
ставив бабу на стол, освободив молодые легкие и рас-
слабив, наконец, перенапряженные мышцы.

У-у-у-у-х! – Хрястнул стол, и его ножка, предатель-
ски подкосилась под тяжестью поставленной на стол
скульптуры.

- Куда? Ну, куда вы ее ставите? Погодите, я постель
разберу! В койку ее, в койку! Пусть Мамонт свою заз-
нобу отогревает! – выла Нинон, словно вдальблывала в
головы вожатых Третий Закон Ньютона: Сила действия
равна силе противодействия!

- Я сказала про-ти-во-действия! – ища линейку для

самых отсталых учеников, волновалась Нинон. – Ну, куда ты ее положил? Панцирная кроватная сетка уперлась в пол! Он же сразу все заметит!

В тесной камерке все толкались, сопели и мешали друг другу, и только каменное изваяние Географины Викторической в эротично-прозрачном розовом пеньюаре, не скрывавшем несомненные достоинства инопланетной гостьи, мирно покоилось в кровати руководителя театра «Ритм», находившего вдохновение в уединенной келье за экраном в киноконцертном зале «Лесная тишина»!

В кафе «Пеньки» жизнь была через край. Веселый костерок озорно потрескивал еловыми ветками, иной раз грозно вспыхивая, когда в огонь попадали зеленые иголки, мгновенно закипавшие молодой смолой. На пеньке, оборудованном под стол, стояли чашки, стаканы и одноразовые емкости, в которые поочередно наливали то чай из электрического чайника (благо корпус был недалеко), то красную жидкость из больших бутылок, а то замечательное грузинское сухое вино «Эрети», цена которого приводила всех в восторг – 97 копеек за бутылку! Девушки сидели вокруг костра и подпевали вожатому, игравшему на гитаре походные и КСП-шные песни. В то время было модно слушать бардов, ходить в походы, на слеты авторской песни.

Параллельно официальным изданиям пышным цветом расцветал самиздат, который печатался в деканатах на механических или электрических пишущих машинах под копирку в закладку на 4 листа. Особым шиком были издания, размноженные на ксероксе – новой по тем временам машине, доступ к которой был строго ограничен, а каждый откопированный лист строго учитывался. Нинон с Натальей привезли такой толмуд, нелегально отпечатанный, по всей видимости, в типографии Мо-

сковского авиационного института. К тому же, он имел твердый переплет. Я частенько переписывал из него слова песен в свою зеленую общую тетрадку за 44 копейки, а мелодию напевали Наташка и Нинон, благо, до этого они были большие любительницы. Похожий талмуд со стихами Бродского лежал в комнате старшего вожатого. «Вдали маячащий грузин... В ночи орущий муэдзин...» - меня эти стихи как-то не трогали. Наверное, тогда я был слишком юн, что бы их оценить, а сейчас читаю только то, что нравится.

Как только песня заканчивалась, так сразу начинался разговор. Обычно старший вожатый цеплял Мамонта на предмет пионЭрской тематики.

- Слышь, Мамонт! Вот ты хоть и с Альдебарана, а поляну не сечешь! Твоя эскадра опять от Праздника Нептуна отлынивает! Ну, где у нас 33 богатыря? А Хохлова твоя, чего без дела мается? Ты, давай, по собранной! Уборище! – вылупив черные как ночь глаза на улыбающегося в усы Андрея, сетовал старшой.

- Будут богатыри! И Хохлова тоже будет! Вот закончим подведение итогов в эскадре за неделю и начнем заниматься Нептуном, – как-то несерьезно и даже насмешливо отозвался вожатый.

Старшой снова набрал воздуха для очередного нападения, но в это время звякнула гитара и дружный хор мужской части вожатского коллектива забасил: «Болванкой вдарило по танку! Погиб наш дружный экипаж...» Девчонки тоже подхватили песню, старшой придвинулся к столу. По чашкам забулькала жидкость.

Хруст веток послышался как раз в финале песни: «И молодая не узнает, каков танкиста был конец!» От забора к пенькам приближались фигуры. Очередная ветка с хвоей вспыхнула в костре, на мгновение осветив подошедших. Первой стояла Нинон. В руках она держала тортик «Сказка».

- Вот, из Москвы привезли! Угощайтесь! – и она поставила его на импровизированный стол.

То ли лесной народ соскучился по цивилизации, то ли приход Нинон и четверых вожатых свидетельствовал о чем-то еще, но у костра началось видимое оживление.

Уплетая кусок торта, Мамонт распевал: «Мой дедушка разбойник, разбойник, разбойник...» Струны на гитаре звенели во всю мощь, а народ как-то странно заторопился по корпусам. Через 10 минут граф Толмачини уже выпроваживал оставшегося последним Мамонта:

- Давай, давай, Андрюш! Завтра новый день, работы по горло, а мне тут еще убираться! Ступай уже в свою эскадру!

- Да ладно, уйду! А чего там кусочек торта остался? Я заберу его, ладно? – завернув торт в кусок газетки, Андрей стал продвигаться к дырке в заборе, - Вроде не поздно, а все разбежались?

Запахнув плащ-палатку, он побрел по диагонали через весь лагерь в свою каморку в ККЗ «Лесная тишина». Полная луна освещала футбольное поле и воздухопроводы на крыше клуба. Лунная дорожка серебрила тихую рябь бассейна. А за ним речка Капанька мирно катила свои небыстрые воды. Стрекотали насекомые в густой прибрежной траве. За кустами то и дело мелькали светлячки. Заветная дверца в каморку, где можно было предаться благодати, забывшись в глубоком сне, была недалеко. Ее скрывала большая елка, ровесница наполеоновских войн, отбрасывающая тень.

- Да погаси ты сигарету, все дело испортишь! – шикал Никита на своего товарища, - Даром, что ли корячились? Вон девчонки за кружком «Мягкая игрушка» схоронились – ни гу-гу! И ты терпи! – и он прикрылся веткой. К кустам, в которых они сидели с Володькой приближался Мамонт.

Вдохнув в легкие ночного липкого воздуха, вожатые вжались в землю, стараясь слиться с жестким кустом, в котором сидели уже минут тридцать. Было, ради чего терпеть!

Почти все вожатые знали, что сегодня Мамонта будут «нахлобучивать», поэтому шоу хотели увидеть все. Пока Андрея мягко разогревали в кафе «Пеньки» тортиком, мужики под руководством Нинон затащили каменную пионерку, подготовленную соответствующим образом, к нему в кровать. Очень хотелось увидеть реакцию Андрея на внезапный визит «межгалактической девы». Ясное дело, места в партере продавать ни кто не собирался, поэтому каждый маскировался, как умел, в непосредственной близости к обителю Андрея. За пожарным щитом, в кустах, за кружками, у кинобудки – везде взрослые люди в ожидании шоу таились и ждали своего часа, что бы в нужный момент оказаться именно там, откуда будет виден апофеоз спектакля.

Приход Нинон и вожатых являлся третьим звонком, после которого гасят свет в зале и ожидают действия. Поэтому народ заторопился занимать лучшие места. Мамонт, как главный герой, с неотвратимой неизбежностью двинулся на середину сцены.

Открыв ключом фанерную дверь в свою каморку, Андрей снял плащ-палатку и повесил ее при входе на гвоздь в стене, забитый еще самим Федосини! Очень хотелось спать, но кусок торта источал ароматы московской жизни, и он не утерпел. Проглотив его практически мгновенно, подумалось о чае, но спать хотелось еще больше, и чай заменили сигаретой.

Сидя на ступенях, Андрей думал, как же все-таки здорово работать в лагере. Какой дружный и заботливый коллектив. Какие товарищи отзывчивые.

Силы кончились. Он разделся, и не зажигая свет от-

бросил покрывало с кровати в готовности нырнуть под негу чистых простыней и армейского одеяла.

- Ух! Что б тебя! – вырвался не то испуг, не то изумление.

Из-под одеяла на вожатого смотрели глубокие зеленые глаза, подведенные темными тенями, которым лунный свет придавал космическую бездонность черной дыры, очарование «красного карлика» и студенистость Млечного пути. Обычно так выглядели пионерки, наштукатурившие безмерно ресницы перед очередной дискотекой.

Андрей рванулся к выключателю. Слабый электрический свет обнажил выпавшую из-под одеяла розовую грудь, прикрытую тонким флером прозрачной комбинации и игривую косынку на шее.

- Исчадие! Изыди! – рявкнул Андрей, одним движением выдернул красотку из кровати и поставил на стоящий рядом письменный стол.

- Хрясть! – сказала вконец доломанная ножка. За окном послышались звуки громящего железа, словно стая мамонтов пробежала по карнизу, возвращаясь с пастбища к водопою.

- А вдоль дороги мертвые с косами стоят! И тишина! – пронеслось в голове, - А ну вас всех! – буркнул Мамонт засыпая, и натянул одеяло на голову.

Возвращаясь от центральных ворот к футбольному полю, сторож увидел, как у клуба человек 12 вожатых и кружководов, повывезав из кустов, прилипли к окну комнатенки, где жил вожатый, которого почему-то все звали Мамонт. Некоторые подобрались совсем близко к крыльцу и, приоткрыв дверь, что-то рассматривали в темной комнате. Среди них были и девушки, одна из которых, рослая в очках, оживленно жестикулируя, регулировала действия остальных. На волейбольной пло-

щадке на высоком месте судьи, забравшись по лесенке и вооружившись биноклем, восседал физрук, тоже наблюдая за происходящим.

- Эх, молодежь! Вот куражатся! – добро и даже с некоторой завистью подумал сторож.

Напрягшаяся было собачка, видя, что хозяина ни что не напрягает, тоже расслабилась и мирно плелась рядом.

В это время вдали у забора за его спиной появились тени. Лунный свет обезличил цвета, поэтому все фигуры были серебристо серые. Словно появившиеся из ночного тумана фигуры мальчика с горном и девочки с голубем возвращались с ночной прогулки по «аллее любви», что за костровой поляной.

Сторож повернул голову. Проскользнув мимо октябрятского корпуса, стараясь придерживаться тени, лунные фигуры растворились за центральной линейкой. Скрипнула дверь в умывальник у третьего корпуса.

- Изыди! – послышался громогласный вопль над футбольным полем.

Толпа у клуба моментально рассыпалась по кустам, и только гром кровельного железа и хруст веток, как отголосок присутствия живых существ, остались в лунной нереальности лагеря.

Лунные фигуры у третьего корпуса тоже исчезли.

- Почти три часа ночи, а им все нейдет! И тут, и там! – вздохнул сторож, - Прямо как в кино: «А вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина!»

Дернувшая поводок собачка потащила его дальше на футбольное поле мимо скамейки у постаментов, где когда-то высилась скульптура Однорукого, яркий образчик «гипсового соцреализма», основы которого заложил Иван Шадр.

Прямо перед ними стоял черный глиняный пингвин, охраняя вход в Дворец Технического Творчества.